

Труды
Института
психологии
РАН

Ф

еномен
и категория
зрелости
в психологии

Ответственные редакторы:

А.Л. Журавлев,
Е.А. Сергиенко

Сборник статей
Феномен и категория зрелости в психологии
Серия «Труды Института психологии РАН»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9416495
Феномен и категория зрелости в психологии / [отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко]:
Институт психологии РАН; Москва; 2007
ISBN 978-5-9270-0105-7

Аннотация

Настоящий сборник научных трудов – это первая попытка раскрыть содержание феномена и категории зрелости в психологии. Авторы статей излагают свое понимание категории зрелости, ее роли в психологических теориях, значения для интерпретации эмпирических данных и возможности использования в научном словаре. Цель данной книги – продолжить специальную работу с научными категориями, их содержанием, критериями и границами. Одной из важнейших задач любой науки является работа по уточнению понятий. Для психологии эта задача становится первостепенной, поскольку именно в категориальном аппарате науки, по общему признанию самих психологов, наблюдается высшая степень неупорядоченности. В данной книге представлены разные точки зрения на содержание понятия зрелости, которые охватывают широкий диапазон его использования: от стадии развития психических функций до критериальной составляющей субъекта, личности, профессионала. Сборник адресован, прежде всего, психологам и тем специалистам гуманитарного профиля, работа которых связана с уточнением категориального аппарата.

Содержание

Предисловие	5
Зрелость: молярный или модулярный подход?	10
Зрелость: эмоциональная, нравственная, личностная, интеллектуальная, социальная, биологическая. Единая или множественная характеристика?	20
Зрелость и незрелость в контексте ортогенетического закона развития	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Феномен и категория
зрелости в психологии
(ответственные редакторы:
А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко)**

© Институт психологии Российской академии наук, 2007

* * *

Предисловие

В книге обобщены результаты работы участников тематического семинара, регулярно проводимого в Институте психологии РАН. Стало традицией выносить отдельные, остро дискуссионные темы, вызывающие наибольший интерес, на обсуждение Итоговых ежегодных научных сессий Института, тематических мини-сессий или семинаров, посвященных подробному и разностороннему обсуждению какой-либо конкретной научной проблемы. Так возникла идея обсуждения феномена и категории зрелости в психологии. Психологи – и теоретики, и практики – используют категорию «зрелость» в своей научной и практической работе. Однако ее содержание столь разнообразно и широко, что в последние годы ее употребление близко к метафорическому.

Данная книга включает статьи, отражающие разные мнения, раскрывающие содержание категории зрелости. Психология как относительно молодая метанаука, которая интенсивно развивается, одновременно дифференцируясь от других областей знаний и интегрируясь с ними (через междисциплинарные исследования, ассимиляцию понятий и законов), испытывает естественные трудности в построении понятийного аппарата. Это выражается в нечеткости категорий психологии, их размытости, частой тождественности различных определений. Данное положение в категориальном строе психологии отражает, на наш взгляд, не столько очередной кризис психологии, на который указывают некоторые методологи науки, сколько бурный рост «молодого организма», когда развитие одних систем не успевает за развитием других. Такое положение еще в большей степени требует постоянной работы с понятийным аппаратом психологии, описание тезауруса и четких определений, введение критериев того или иного феномена, границ понятия. Для психологии тщательная работа над понятиями становится первостепенной задачей, поскольку именно в категориальном аппарате науки, по признанию многих психологов, наблюдается большая неупорядоченность и несогласованность.

Данная книга является первой попыткой возродить процесс планомерной работы с категориальным строем психологии. Было бы самонадеянным думать, что как только появляются подобные работы, так разрешается проблема. Безусловно, нет. Достижение психологическим сообществом некоторого консенсуса в раскрытии содержания той или иной категории – процесс длительный, эволюционный и недирективный. Однако, если этот процесс идет, если к нему подключается научное сообщество, следовательно, движение приобретает целевой вектор, который рано или поздно приведет к реальному результату. Таким образом, основная цель данной книги состоит в том, чтобы на новом этапе инициировать сам процесс обсуждения категориального строя психологии, к которому приглашаются все специалисты, все те, кто работает с психологическими понятиями и придает этому большое значение.

Не претендуя на исчерпывающее освещение содержания категории зрелости в психологии, мы все же надеемся, что представленные в книге статьи послужат катализатором в дальнейшей разработке как категории «зрелость», так и других категорий психологии.

Авторами данной книги являются сотрудники не только Института психологии РАН, но и других известных психологических учреждений. Широкий диапазон и разнообразие мнений авторов статей создает стереоскопическое представление по данному вопросу.

Книгу открывает статья *Е. А. Сергиенко «Зрелость: молярный или модулярный подход?»*, поскольку именно ею были предложены основные вопросы для обсуждения содержания данной категории. В статье представлены четыре аспекта анализа содержания понятия «зрелость», которые используются в психологии: зрелость как стадия развития, как общая тенденция развития, как результат достижения дефинитивной стадии развития и как развитие разных модулей психической организации (эмоциональная зрелость, интеллектуальная

зрелость, нравственная зрелость, социальная зрелость, биологическая зрелость). Предложен молярный подход к пониманию зрелости как процессуальной характеристики психического развития, но при этом выделена специфичность процессуальности именно для данного феномена. Это не достижение определенного уровня, а способность к достижениям. Причем в этой динамической характеристике могут быть объединены и универсальная, и уникальная составляющие этого процесса. Возможность подобного объединения лежит на пути решения вопроса о соотношении категорий «субъект» и «личность». Личность (персона) – это стреловидная структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвития. Метафорически это соотношение можно представить в виде «командного» и «исполнительного» звеньев. Личность задает направление движения, а субъект определяет его конкретную реализацию через координацию выбора целей и использования ресурсов индивидуальности человека. В этом случае человек будет осуществлять *зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума «личность – субъект»*.

В статье В. М. Русалова *«Зрелость: эмоциональная, нравственная, личностная, интеллектуальная, социальная, биологическая. Единая или множественная характеристика?»* раскрывается авторская концепция зрелости. В изучении зрелости он выделяет два различных подхода: это ее понимание как периода полового созревания и зрелость в «акмеологическом» понимании, как личностный рост человека, его высшие достижения. «Акмеологическая» зрелость в отличие от «дефинитивной» означает, прежде всего, уровень развития не отдельных психических процессов или функций, а целостных образований психики человека. Истинная зрелость наступает только тогда, когда человек способен передать плоды своего развития другим, достоин подражания. Подобной зрелостью обладает субъект как высшая стадия развития человека, который стоит над индивидуальностью и личностью. Зрелость субъекта зависит от зрелости его индивидуальности и личности, фактически его порождающих. Детерминантами зрелого субъекта выступают социокультурные факторы того сообщества, в котором субъект существует. Здесь необходимо отметить совпадение взглядов разных исследователей: акмеологический критерий субъекта ранее получил обоснование в работах К. А. Абульхановой, а представление о том, что зрелому человеку важно передавать плоды своего развития другому поколению, раскрыто в работах Э. Эриксона как необходимое условие преодоления кризиса личности.

Близкую точку зрения мнению Е. А. Сергиенко высказывает в своей статье А. Н. Поддьяков *«Зрелость и незрелость в контексте ортогенетического закона развития»*. Он также считает зрелость некоторой общей тенденцией психического развития, однако, по его мнению, эта тенденция может быть конкретизирована через соотношение процессов интеграции и дифференциации как общем ортогенетическом законе развития. Отношения между дифференциацией и интеграцией являются динамическими. Развитие различных систем и их внутренних частей характеризуется и различными отношениями между процессами интеграции и дифференциации. Разные системы движутся по существенно разным траекториям в пространстве «интегрированность – дифференцированность – зрелость». Однако понятия «дифференциация – интеграция» логически связаны с понятиями «анализ – синтез», в них холистические процессы тесно связаны с процессами редукции в едином системном динамическом взаимодействии. Раскрывая данное положение, автор рассматривает примеры кросс-культурных исследований, исследований интеллекта и проблему соотношения разной степени зрелости испытуемого и экспериментатора в процессе тестирования. Таким образом, в работе А. Н. Поддьякова представлена широкая панорама проблемного поля в понимании и использовании категории зрелости, что задает важные направления ее дальнейшей разработки.

В статье *Т. А. Ребеко «Дифференцированность и интегрированность ментальных объектов»* представлен микроанализ компонентов ментальной репрезентации. В данной работе, как и в предыдущей, процессы интеграции и дифференциации выступают как основные направляющие, которые определяют содержание категории зрелости. Т. А. Ребеко полагает, что зрелая репрезентация должна включать не только дифференцированные отдельные свойства объекта или со бытия, но и их интеграцию. Классы дифференцированных и интегрированных компонентов выполняют разные функции и являются этапами развития ментальной модели. По мнению автора, одним из критериев зрелости может быть факт выделения в ментальном пространстве дифференцированных, но согласованных между собой измерений. Это проявляется в способности выделять в объекте признаки, необходимые и достаточные для организации (планирования, исполнения и контроля) своего поведения. Автор описывает экспериментальное исследование, направленное на сравнение процедурных и декларативных компонентов ментальной модели, соотношение которых указывает на различную степень зрелости отдельных подструктур ментальной модели. При этом предполагается, что декларативные и процедурные формы ментальной репрезентации имеют разный уровень зрелости.

Статья *Т. Д. Марцинковской «Инварианты возрастной психологии: категория зрелости»* посвящена анализу категории «зрелость» в методологическом аспекте соотношения общих принципов исследования психического в общей психологии, психологии развития и возрастной психологии. Она отмечает, что период зрелости в онтогенезе человека изучен чрезвычайно слабо и при этом подчеркивает важность этого периода, так как «в феноменологии зрелости как в капле воды отражаются многие методологические проблемы генетической психологии – о ее границах (до юности или до старости), кризисах и лизисах, механизмах развития, закономерностях социализации и аккультурации, соотношении процессов эволюции и инволюции» (Марцинковская. Статья в данном сборнике, с. 96). Далее Т. Д. Марцинковская рассматривает возможность использования категории «зрелость» не только в возрастной психологии, но и в общей, подчеркивая, что категории должны обладать инвариантностью в соответствующей области знания. Инвариантность зрелости может быть обнаружена только в области возрастной психологии. Раскрывая содержание периода зрелости как возрастного этапа, автор приходит к важному выводу, что в соответствии с деятельностной парадигмой практически невозможно выделить в этом периоде ведущую деятельность, а его содержание можно описать, используя понятие «жизненный путь» человека.

Проблеме разработки категории «зрелости» в истории психологии посвящена статья *В. А. Кольцовой*. Она показывает, что изучение проблемы зрелости было начато только с 1930-х годов. Длительное время в науке считалось, что в зрелые периоды жизни человека не происходит никаких изменений в психической организации, что взрослость – это период «окаменелости». В. А. Кольцова приводит точку зрения Э. Клаппареда, который считал, что вслед за юностью происходит консервация, остановка, а далее и снижение уровня развития функций. Таким образом, на данном примере становится ясно, что генетический подход к изучению всего периода жизни человека не применялся. Однако наряду с представлением о взрослости как периоде окаменелости складывается иное видение хода развития – непрерывное становление и изменение психики в онтогенезе. Большое место в работе В. А. Кольцовой занимает анализ исследований взрослости как периода зрелости, осуществленных Б. Г. Ананьевым и его школой. Показано, что методолого-теоретическими основаниями разработки проблемы зрелости в ленинградской школе Б. Г. Ананьева были системно-структурный, комплексный и генетический подходы. Большое число экспериментальных исследований, проведенных данной школой, позволило выделить общие и специфические закономерности разных аспектов зрелого периода жизни человека: психофизиологические, интеллектуальные и личностные. Обобщение полученного материала привело к обоснова-

нию нового направления в психологии – акмеологии. Б. Г. Ананьев понимал акмеологию как раздел онтопсихологии, изучающий возрастные особенности разных сторон психической организации взрослого человека. В. А. Кольцова подчеркивает, что, с точки зрения Б. Г. Ананьева, акмеология изучает «центральный момент в индивидуальном развитии», его вершину – зрелость, что позволяет отождествлять понятия взрослости и зрелости. Автор раскрывает полидетерминированность периода зрелости, показанную в работах ленинградской школы, определяющие ее условия и факторы. Затрагиваются и проблемы возрастных границ периода зрелости. В заключение В. А. Кольцова прослеживает современные исследования периода зрелости.

Н. Е. Харламенкова в своей статье «Спонтанность и контроль в зрелых личностных отношениях» рассматривает феномен зрелости как показатель развития личности. Она предлагает теоретическую гипотезу о том, что зрелость личности связана с осуществлением самопроизвольного контроля. Автор различает контроль поведения зрелой личности от импульсивного, который характеризуется наличием внутренней мотивации, что делает его похожим на произвольное (волевое) поведение. Однако в отличие от произвольного контроля здесь не осуществляется специальная организация поведения, что позволяет применить термин «самопроизвольность» (Лейбниц). На основании проведенного теоретического анализа автор заключает, что психологическая зрелость личности может быть раскрыта как способность человека к спонтанному поведению, которое складывается на основе интеграции идентичности, интериоризации этических ценностей, внутренней направленности мотивации, проявляющихся в контроле поведения.

Статья *С. К. Нартовой-Бочавер* «Психологическая суверенность как критерий личностной зрелости» также посвящена поиску критериев личностной зрелости. В качестве такого критерия предлагается понятие «психологическая суверенность личности», теоретическую и эмпирическую разработку которого осуществляет автор. Методологической основой предлагаемого решения стал субъектно-средовой подход, основанный на субъектно-деятельностном подходе А. В. Брушлинского (2003), на средовых теориях и их вариантах теории приватности И. Альтмана (1975, 1978) и М. Вольфе (1978). С этих позиций развитие человека как личности предполагает усиление его субъектности, т. е. способности к спонтанной активности, принимающей форму отчетливых предпочтений, согласия при внутреннем принятии или принятии объективно выраженных действий. Данные положения хорошо согласуются с точками зрения, представленными в работах *Е. А. Сергиенко* и *Н. Е. Харламенковой*. Далее автор описывает структуру и функции психологической суверенности личности, определяет ее составляющие. Она приводит результаты собственных исследований, работы других авторов, анализ литературных источников, что делает аргументацию ее позиции не только научной, но и «живой», соотносимой с реальностью бытия человека. На основе выдвинутой гипотезы автор приходит к выводу, что личностно зрелый субъект обладает прочными границами, которые пластичны и изменяются по его усмотрению с учетом интересов других людей, тогда как «границы личностно незрелого или переживающего кризис человека непрочны, в силу чего он психологически уязвим, неадекватен, склонен к проекциям или интроекциям и, как следствие, не всегда ощущает себя субъектом (автором) собственной жизни» (Харламенкова. Статья в настоящем сборнике, с. 128).

В. А. Бодров в статье «Профессиональная зрелость человека (психологические аспекты)» раскрывает значение категории «зрелость» через анализ становления профессионала. Сосуществование двух определений «зрелость личности профессионала» и «профессиональная зрелость» означает наличие разных акцентов. Когда говорят о зрелости личности профессионала, то акцент делается на портрете самой личности как субъекта труда, понятие «профессиональная зрелость» означает степень подготовленности человека как мастера своего дела к определенному виду деятельности. В. А. Бодров подчеркивает, что в профес-

сиональной деятельности необходима «гармония личностной и профессиональной зрелости субъекта труда, которая способна обеспечить не только эффективность, надежность и безопасность труда, но и развитие его личности в труде...» (Статья в настоящем сборнике, с. 174). Такая гармония возникает не с момента овладения профессиональным мастерством, а на всем протяжении развития личности, когда степень ее зрелости консолидируется со степенью профессионализации. Эти составляющие оказываются не только тесно связанными, но и влияющими друг на друга.

В статье *«“Социально-психологическая зрелость”: попытка обосновать понятие»* А. Л. Журавлев рассматривает соотношение феноменов психосоциальной и социально-психологической зрелости, опираясь на современные исследования зарубежных психологов. Им выделяются группы общих и специфических признаков социально-психологической зрелости. К последним, по его мнению, относятся способности личности к саморегуляции поведения по отношению к другим людям и среди людей (в группах), рефлексивные и эмпатические способности, способности к децентрации и т. п. Социально-психологическая зрелость ограничивается сферами проявления, это взаимодействие личности с социальным окружением, малыми и большими группами, качество самих социальных групп, личностных и межличностных, внутригрупповых и межгрупповых отношений. Содержание же психосоциальной зрелости тесно связано с генезисом, формированием психологии личности или социальной группы, имеющим интегративную психосоциальную природу. В статье сформулированы также наиболее актуальные вопросы дальнейшего исследования социально-психологической зрелости: структура и типы, особенности проявления в различных сферах, основные формы и этапы становления и т. д.

Таким образом, статьи разных авторов не столько сужают понятие «зрелость», сколько дают нам самые разнообразные варианты его понимания. Однако большое разнообразие мнений, их дифференцированность – это закономерный этап на пути к интеграции, что не исключает различий, а предполагает их.

Хотелось бы надеяться, что предпринятая попытка посвятить книгу разработке конкретной научной категории послужит толчком для дальнейшей кропотливой работы с категориальным аппаратом психологической науки, что является ее насущной потребностью и специальной задачей.

А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко

Зрелость: молярный или модулярный подход?

1

Уточнение и дифференциация понятий – одна из основных задач науки, позволяющая осуществить построение строгого научного языка. Кроме того, за категориями науки стоит содержание знания, выраженное в концентрированном виде. Поэтому настоящая попытка с разных позиций раскрыть категорию зрелости преследует важнейшие научные цели: разработки понятий, уточнения их содержания и описания тезауруса. В психологии – науке молодой и бурно развивающейся – большинство понятий носит вероятностный характер, отражает высокую степень неопределенности, размытости. Именно для психологии необходима постоянная кропотливая работа по их уточнению и научной разработке.

Н. В. Богданович (2003) выделяет следующие критерии категориального статуса понятия на основе обобщения разных подходов в отечественной психологии:

1) категория должна иметь свое поле значений, «не выводимое из других и не сводимое к другим» – критерий предельности (М. Г. Ярошевский);

2) категория должна быть связана с основными принципами науки и ее предметом – методологический критерий;

3) категории должны состоять в определенном соотношении друг с другом – критерий систематизированности (Б. Ф. Ломов);

4) каждая категория должна выдвинуть новый принцип науки – принципообразующий критерий.

Опишем поле значений категории зрелости и сопоставим их с этими критериями.

Категория зрелости широко используется в разных областях психологии и других науках о человеке. Однако содержание этой категории в психологии, как и многие другие понятия, весьма многозначно.

Категория «зрелость» используется в разных значениях и смыслах, как эксплицитных, так и имплицитных. Рассмотрим основные из них.

I. Зрелость выделяется как стадия развития

Междисциплинарная периодизация развития подразделяет весь жизненный путь человека на пренатальный период, детство, отрочество и зрелость (взрослое состояние). **Зрелость** подразделяется на три условных стадии: ранней зрелости от 20–40 лет – вступление в интенсивную личную и профессиональную жизнь, собственно зрелый возраст – 40–60 лет, эта стадия характеризуется стабильностью и продуктивностью, преимущественно в профессиональном и социальном плане и переходом к завершающей стадии зрелости – 60–65 лет, когда человек отходит от активной жизни или личностной экспансии (Годфруа, 1992).

Зрелость как стадию развития выделяла Ш. Бюлер. Жизненный путь личности, по мнению Ш. Бюлер, есть путь реализации собственной интенциональности, которая проявляется в жизненных выборах, которые сам человек может четко и не осознавать. Только в конце жизни происходит осознание глубинной сути своих ожиданий и стремлений. Ш. Бюлер выделяет пять главных фаз жизненного цикла:

1-я фаза (до 15 лет) – отсутствие каких-либо ясных целей;

2-я фаза (от 15 до 20 лет) – осознание своих потребностей, способностей и интересов;

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 05-06-06469а; РФФИ, грант № 05-06-80358.

3-я фаза (25–45 лет) – зрелость. Это постановка четких целей, позволяющих добиться стабильности в профессиональной и личной жизни;

4-я фаза (45–65 лет) – будущее зависит от результата реализации интенций;

5 фаза (65–70 лет) – обобщение достигнутого.

Э. Эриксон (1996) определяет достижение зрелости на стадии 7 (генеративности). Человек начинает интересоваться проблемами воспитания следующего поколения, противопоставляя этот интерес самопоглощенности и стагнации.

А. Г. Лидерс считает, что суть зрелого возраста в экспансии личности, когда личность завоевывает новые «плацдармы», усложняется, осуществляется личностный рост, выход за свои границы.

К. А. Абульханова также обращается к категории зрелости. Она пишет: «Для характеристики развития личности уместно понятие личностной зрелости. Под зрелостью имеется в виду способность чело века к пропорциональному жизненным задачам расходованию, применению своих личностных возможностей и особенностей своего типа личности. Только зрелый человек затрачивает пропорциональные усилия на значимые и незначимые дела, владеет способностью к саморегуляции, которую можно назвать жизненным самообладанием. Только зрелый человек способен своей волей определить ход событий и расстановку сил в своей жизни. Он сам формирует ситуации жизни, предлагает и задает стиль общения, влияет на окружающих его людей» (Абульханова, 1991, с. 286). Следовательно, категория зрелости, по мнению К. А. Абульхановой, – этап высших жизненных достижений, этап развития, достигший своей вершины.

Приведенные примеры указывают, что зрелость рассматривается как стадия развития, закономерный результат предшествующих стадий. Следовательно, *зрелость – стадия развития человека, отделяющая детство от старения*. Критерии достижения данной стадии различны в зависимости от того аспекта психического развития, который выделяет автор. Так, например, для Эриксона критерием зрелости является расширение самоидентичности, отказ от эгоцентрической позиции и включение значимых других как продолжение себя и собственной идентичности.

II. Категория зрелости представлена как реализация общей тенденции психического развития человека

Так, К. Г. Юнг (1993) в качестве такой тенденции выделяет процесс индивидуации – путь к недостижимой самости, т. е. не только достижение определенной степени психологического равновесия, но и отделение себя от массовой культуры, от обычного конформизма. Это означает, что человек должен найти свою собственную дорогу. Истинная природа человеческой личности состоит в раскрытии и универсальных архетипов, собственного уникального опыта и уникальных потенциалов. Этот процесс приходится на середину жизни.

Другой пример интерпретации такого рода – идеи А. Маслоу. Зрелость человека – это его способность к самоактуализации. Однако, хотя такая тенденция характерна для всех людей, но лишь немногие сохраняют способность следовать спонтанной тенденции роста. Маслоу подчеркивает: «...мы должны продолжать воспринимать “я” и “не-я” по отдельности во имя способности понять полноценно зрелого (аутентичного, самореализовавшегося, прошедшего индивидуацию, продуктивного, здорового) человека...» (Маслоу, 1997, с. 223). Такие люди менее конформны, на них меньше влияет социальное окружение, они более свободны в поведении, сохраняют творческий потенциал и открытость опыту.

Таким образом, в данном понимании категория *зрелости раскрывается как способность к постоянному саморазвитию, изменениям при сохранении своей уникальности*.

Как вершину психического развития человека Б. Г. Ананьев представлял становление индивидуальности человека, в котором индивид, личность и субъект деятельности определялись как предшествующие стадии (Ананьев, 1996).

III. Зрелость как результат достижения дефинитивной стадии развития

Во многих концепциях психического развития, в большей степени раскрывающих одну из линий этого развития, зрелость понимается как уровень развития той или иной психической функции. Например, в соответствии с теорией развития мышления Ж. Пиаже, зрелость – это достижение формально-логического мышления (12–15 лет), когда ребенок начинает применять логические правила вывода заключения (индуктивные или дедуктивные), когда он свободен от перцептивных и иных опор и может оперировать абстрактными понятиями. Согласно теории развития личности З. Фрейда, зрелость – это достижение генитальной стадии развития. Фактически все периодизации психического развития содержат имплицитное представление о зрелости как вершине развития. Однако большинство известных периодизаций развития завершаются в подростковом возрасте (Ж. Пиаже, З. Фрейд, А. Валлон, Д. Б. Эльконин, Л. Колберг), который вряд ли можно связать с понятием зрелости. Следовательно, достижение дефинитивного уровня в развитии психических или психофизиологических функций трудно отождествить с понятием зрелости.

Анализ периодизаций развития показывает, что, несмотря на различия оснований для выделения периодов, стадий или фаз развития, большинство из них сходятся на одних и тех же возрастных этапах, что свидетельствует о выделении действительно существующих качественно самостоятельных стадий развития. Это этапы становления зрелой функции. Зрелой, следовательно, достигшей принципиальной вершины в своем развитии. Но подобное значение «зрелости» ставит вопрос о частном значении этого понятия и критериях вершинного уровня развития. Например, в теории Пиаже. Можно ли считать способность к абстрактно-логическому мышлению в подростковом возрасте признаком становления зрелого мышления? Думается, нельзя. Поскольку именно в подростковом возрасте мышление характеризуется как экстремально бинарное: хорошо – плохо, черное – белое, большой – маленький. Способность осваивать отвлеченные понятия – только начало пути к многомерным ментальным моделям, к пониманию непрерывности континуумов и связей между отдельными моделями. Разве, если человек достиг стадии постконвенциональных нравственных суждений, то это означает зрелость его нравственных представлений, а тем более поступков? Думается, что нет. Таким образом, категория зрелости не может указывать на дефинитивное развитие той или иной психической функции или даже многих функций.

IV. Зрелость как развитие разных модулей психической организации (эмоциональная зрелость, интеллектуальная зрелость, нравственная зрелость, социальная зрелость, биологическая зрелость)

С понятием «зрелость» связывают развитие отдельных модулей психической организации – эмоциональной, интеллектуальной, нравственной, социальной и биологической. При этом категория зрелости опять раскрывается через уровень развития данных способностей: уровень социального развития, биологического, интеллектуального, нравственного, эмоционального. Предлагаются модели измерения уровня выраженности данных способностей: психометрический уровень интеллекта, социальный интеллект, эмоциональный интеллект. Но вот беда: модели очень разнообразны, и в зависимости от модели обнаруживаются

совершенно разные оценки этих способностей. Более того, многие измерения оказываются хотя бы частично взаимозависимыми по принципу пороговых значений. Креативность связана со средним уровнем интеллекта, как и социальный интеллект, как, хотя бы частично, и эмоциональный интеллект. Но подчеркну, что их взаимосвязанность и взаимозависимость, хотя бы на уровне необходимых значений, подчас упирается в проблему используемых моделей. Если отвлечься от проблем измерения, то подобная взаимозависимость и взаимосвязь отдельных психических способностей указывает на существование некоторой единой, молярной или базовой основы. Единство аффекта и интеллекта многократно подчеркивалось в психологической литературе. Единство и пропорциональность в использовании психологических ресурсов. В психологии существует множество фактов, указывающих на неравномерность и гетерохронность в развитии разных линий психического, на уникальность и индивидуальность каждого человека. Тогда как применить универсальную категорию зрелости к индивидуальности?

Кажется возможным представить **категорию зрелости как процессуальную, а не результативную**. Это не достижение определенного уровня, а способность к достижениям. Причем в этой динамической характеристике могут быть объединены и универсальная, и уникальная составляющие этого процесса. Возможность подобного объединения лежит на пути решения вопроса о соотношении категорий субъекта и личности. Здесь необходимо подробнее остановиться на соотношении понятий субъекта и личности у разных авторов.

А. В. Брушлинский разделял категорию личности и субъекта (Брушлинский, 1999, 2000, 2002, 2003). Он подчеркивал, что каждая личность есть субъект, но он не сводим к личности. Субъект – качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, способ согласования внешних и внутренних условий осуществления деятельности во времени, центр координации всех психических процессов, состояний, свойств, а также способностей, возможностей и ограничений личности по отношению к объективным и субъективным целям, притязаниям и задачам деятельности. Целостность, единство, интегративность субъекта являются основой системности его психических качеств.

Иное понимание соотношения субъекта и личности представлено в работах К. А. Абульхановой (1991, 1999, 2005). Она предлагает акмеологическое понимание субъекта. Личность становится субъектом собственной деятельности и жизни в целом только на высших, взрослых этапах своего развития. Абульханова считает, что, «говоря о становлении личности субъектом, мы имеем в виду взрослую личность» (Абульханова, 2005, с. 17). В последней работе К. А. Абульханова предлагает критерии личности, которая выступает как субъект. В качестве первого критерия она выдвигает способность личности к организации собственной жизни, жизненных этапов и регуляции объективно существующих жизненных обстоятельств. Второй критерий состоит в возможности личности как субъекта «вырабатывать свои способы решения постоянно возобновляющихся противоречий...» между нормативными требованиями и индивидуальными особенностями и притязаниями личности. Третий критерий личности как субъекта заключается в оптимальном использовании психических, личностных, профессиональных и других возможностей для решения жизненных задач. «Личность не просто обладает восприятием, мышлением, памятью и не только способна видеть, думать и помнить, она определяет, как и зачем вспоминать, чтобы решить жизненно-практическую задачу. В этом проявляется ее "мета-личностное качество субъекта"» (Абульханова, 2005, с. 15). Четвертый критерий – собственно акмеологический, который определяет личность как субъекта жизни, постоянно направленного на самосовершенствование, достижение идеала. Пятый критерий в большей степени дополняет четвертый: субъектом будет такое совершенствование личности, которое стремится к достижению подлинности. Неподлинность жизни определяется как неспособность прожить собственную жизнь, отвечающую собственной индивидуальности. Подлинная же жизнь – это выбор жиз-

ненной стратегии, отвечающей смыслу жизни. Жизненная стратегия проявляется в сознании субъекта как Я-концепция. «Наличие Я-концепции дает возможность личности осознать себя как субъекта, отнестись к себе как источнику жизненных перемен, причине событий и поступков...» (Абульханова, 2005, с. 15).

Остановившись достаточно подробно именно на взглядах К. А. Абульхановой, хотелось бы выделить те противоречия, которые существуют между ее представлениями и другими вариантами решения вопроса.

Напомним, как решал вопрос о соотношении личности и субъекта Б. Г. Ананьев: «Разумеется, разделение человеческих свойств на индивидные, личностные и субъектные относительно, так как они суть характеристики человека как целого, являющегося одновременно природным и общественным существом. Ядро этого целого – структура личности, в которой пересекаются (обобщаются) важнейшие свойства не только личности, но также индивида и субъекта» (Ананьев, 1996, с. 220). Выделяя в качестве ядра человеческой организации личность, Б. Г. Ананьев указывает, что «структура личности, сложившаяся в процессе индивидуального развития человека, сама детерминирует направление, степень изменения и уровень развития всех феноменов психического развития. С. Л. Рубинштейн именно в этой структуре личности, комплексе личностных свойств усматривал те внутренние условия, через которые действуют те или иные внешние факторы» (Ананьев, 1996, с. 218).

Здесь мы видим различия в понимании субъекта Б. Г. Ананьевым и авторами субъектно-деятельностного подхода. Если для Б. Г. Ананьева личность является ядерной структурой организации, то для субъектно-деятельностного подхода – субъект, который всегда является личностью, но не сводим к ней. Для Б. Г. Ананьева субъектом становится человек в процессе своей профессиональной деятельности и творчества как высшего уровня профессиональной деятельности, тогда как в представлении последователей С. Л. Рубинштейна субъект – качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности. «Любая личность может быть объектом подлинного воспитания лишь постольку, поскольку она вместе с тем является субъектом этого воспитания» (Брушлинский, 1999, с. 345). Именно субъект рассматривается как ядро человеческой организации. «Многообразные виды и уровни активности субъекта образуют целостную систему внутренних условий, через которые, как через основание развития, только и действуют внешние причины» (Брушлинский, 1999, с. 344).

Как видно из приведенных критериев личности как субъекта, К. А. Абульханова в своей новой работе только раскрывает акмеологическое понимание субъекта, которое было изложено в ее предшествующих трудах (Абульханова, 1991, 1997, 2000). Выделенные критерии субъектности, по моему представлению, не являются специфичными и достаточными для данной категории. Напомним, в чем состояло несогласие с принципиальным решением К. А. Абульхановой. Разрешение противоречий даже на неосознаваемом уровне выделяется как движущая сила любого развития, в том числе и личностного. Более того, слишком неопределенным кажется положение об оптимальном способе организации жизненного пути, способе разрешения противоречий. Получается, что уровень субъекта является как бы операциональным уровнем личности, задающей общее направление движения.

Человек, начиная еще с пренатального периода своего развития, всегда стоит перед разрешением противоречивых тенденций, потребностей и мотивов. Безусловно, противоречия эти разного уровня сложности – от обеспечения комфорта своего психофизического развития до решения мировоззренческих проблем. Но именно эти разного уровня противоречия, стоящие перед субъектом, целостность которого является системообразующим фактором психической организации и регуляции, обеспечивают его развитие и как индивида, и как личности. Активность субъекта, разрешающего те или иные противоречия, созидает психическое, носителем которого является субъект. Избирательность этой активности и ее

индивидуализированная результативность и вариабельность указывают на то, что эти действия совершает субъект. Здесь вопрос стоит об уровнях самоорганизации и регуляции субъекта деятельности.

Пятый критерий личности как субъекта добавляет к уже существующим представлениям требование подлинности жизни, которое на уровне сознания субъекта воплощается в Я-концепции (Абульханова, 2005). Этот критерий еще в большей степени нарушает принцип непрерывности развития. Более того, в Я-концепции присутствуют не только сознательные тенденции, но и неосознанные смыслы, желания, намерения, которые будут вести личность как субъекта по пути, не всегда согласующемуся с идеальными представлениями человека о себе. Поэтому определение субъекта в понимании К. А. Абульхановой означает, что категория субъекта поглощается категорией личности и является лишь обозначением высокого уровня развития личности, способной к самореализации, что вполне согласуется с представлениями гуманистического подхода о стремлении человека к самореализации и самоактуализации (например, А. Маслоу, К. Роджерс). Акмеологический принцип в определении субъекта К. А. Абульхановой вступает в противоречие и с определением ею объекта психологии. Она пишет: «...объектом исследований психологии является субъект» (там же, с. 17). Но коли субъект – высшая ступень развития личности (мало кем достижимая, идеальная, согласно критериям), то что же должна изучать психология? Не может ли она тогда свестись к акмеологии? Как быть с остальной психологией, ее багажом?

Близкую точку зрения на соотношение личности и субъектности в человеке высказывает А. В. Петровский (1996). Он развивает личностный подход к активности субъекта, принимая выдвинутое А. Н. Леонтьевым представление о личности как системе деятельностей субъекта, в которой проявляются свойства социальной метасистемы, в которую включен субъект. Говоря о субъектности, в большей степени используется индивидуально-психологический анализ человека, тогда как по отношению к личности – социально-психологический. А. В. Петровский видит противоречие в подходах к изучению личности и субъекта. «Очевидный факт взаимопроникновения между двумя началами бытия личности сопряжен с не менее очевидным фактом их нередуцируемости друг к другу: индивидуальное и социальное в личности составляют, как говорят, единство, но не тождество» (Петровский, 1996, с. 358). Концепция субъектной личности объединяет в себе идеи надситуативной активности и отраженности человека в человеке. «В этом кон тексте личность выступает как динамическая форма субъектно-ролевого единства: становление субъектности – ролью и снятие роли – субъектностью» (там же, с. 363). Таким образом, субъектность понимается А. В. Петровским как часть (модус) личности, что фактически снимает вопрос о специфичности данной категории: субъект растворен личностью.

Значительно шире понимает категорию субъекта А. В. Брушлинский. Напомним: «Субъект – качественно определенный способ самоорганизации...» (Брушлинский, 1999). С другой стороны, он указывает, что субъект – это человек на высшем уровне своей активности, целостности (системности), автономности. Он подчеркивает, что субъектом не рождаются, а становятся. «Каждая личность является субъектом, но субъект не сводится к личности» (там же). С одной стороны, А. В. Брушлинский признает непрерывность развития человека как субъекта деятельности, а с другой, постулирует субъектность как высший уровень активности, целостности, автономности, что характерно для взглядов К. А. Абульхановой.

В наших работах был предложен континуальный принцип определения субъекта, который можно реализовать в уровневых критериях, где на каждом уровне развития субъектности выделяются его критерии (Сергиенко, 2000, 2002, 2005, 2006). *Критерий субъекта может быть только уровневым.* Это положение я пыталась обосновать в представлениях о возможности выделения уровней становления протосубъектности и двух других, выде-

ленных недавно: уровня агента и наивного субъекта. С позиций такого подхода критерии субъекта, выделенные другими авторами, не являются противоречивыми, а отражают только адресацию к разным уровням организации субъекта. Так, в понимании Б. Г. Ананьева человек как субъект деятельности – это определенный этап человеческого развития, предполагающий формирование психических свойств и механизмов в процессе профессиональной (производственной деятельности). У К. А. Абульхановой-Славской в качестве критерия субъекта выступает способность разрешать противоречия, и без этой способности личность не становится или утрачивает статус субъекта. Субъект, в определении К. А. Абульхановой, есть гармоничная, самореализующаяся личность, достигшая вершины в иерархическом развитии. Разрабатывая психологию субъекта, В. В. Знаков пишет об экзистенциальном поиске смысла жизни. Представляется, что все названные авторы говорят о субъекте, достигшем вершинных уровней своего развития. Здесь принципиальным является вопрос о соотношении понятий субъекта и личности. Снова, уходя от детального обсуждения этого вопроса, предполагаю следующее гипотетическое решение. Личность (персона) – это стержневая структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвитию. Метафорически это соотношение можно представить в виде командного и исполнительного звеньев. Личность задает направление движения, а субъект – его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. *В этом случае человек будет осуществлять зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума субъект-личность.* В этом процессе познание себя и другого занимает определяющее место, но может существовать и в недифференцированной (интуитивной форме). Модель психического как модель внутреннего мира человека, определяемая векторами Я – Другой, выступает как основа субъектности человека, реализующая генеральную линию личностного развития.

Одной из важнейших начальных задач в развитии ядра личности выступает выделение себя из среды. В самом начале жизни человек способен получать информацию (например, оптический поток), которая прямо специфицирует его непосредственное положение и его изменения в среде.

Можно предположить, что первым представлением о себе является *Экологическое Я* – это Я, воспринимаемое относительно физического окружения. Экологическое Я образуется спонтанно с самого рождения и активно функционирует как составная часть Я-концепции на протяжении всей жизни, изменяясь и развиваясь.

Второй начальной важнейшей задачей в развитии Я-концепции является установление эквивалентности Я-Другой. Этот тип представлений о себе может быть обозначен как *Я-интерперсональное*. Я-интерперсональное возникает также у самых маленьких младенцев и специфицируется видоспецифическими сигналами о взаимоотношениях Я-индивид, который участвует в человеческих обменах. В эту праформу Я-интерперсонального не входят культурные установки и тонкие аспекты интерперсональных отношений. Такой тип представлений также складывается непосредственно. В человеческой жизни люди часто взаимодействуют прямо лицом к лицу средствами, присущими человеческому виду. Эти взаимодействия встречаются на разных уровнях человеческой интимности, включая телесные контакты или без них. Характерные средства взаимодействия включают обмен взглядами, жестами или ответными вокализациями. Все эти виды взаимодействия воспринимаются непосредственно и не требуют специальной осознанной интерпретации. Это арсенал невербальной коммуникации, на которой строятся интерсубъективные циклы взаимодействия. Интерперсональное восприятие функционирует от рождения. Два типа ранних форм структуры Я: экологическое и интерперсональное – являются двумя аспектами взаимодействия с миром. Я-экологическое специфицирует описание системы Я – физический мир, Я-интерперсональное – системы Я – социальный мир. Развитие этих личностных образований

направляет становление первичных уровней протосубъектности: первичной и вторичной протосубъектности. Эти два аспекта ядра личности на первом году жизни могут развиваться относительно независимо, что дает возможность только выделить себя из окружения (физической и социальной среды). Это протоуровень становления «первичной субъектности». Однако взаимодействие Я-экологического и Я-интерперсонального необходимо для возникновения следующего уровня протосубъектности – «*вторичной интерсубъектности*», который предполагает «треугольные отношения», включающие и объект, и индивида. Дети начинают испытывать общие психические состояния со взрослым по отношению к объекту или событию. Это путь к пониманию дифференцированной интенциональности. Наличие интерсубъективных отношений позволяет установить тождество: Я – Другой. Образующими становления биполярной шкалы Я – Другой служит репрезентационная система, возможная благодаря врожденным механизмам амодального восприятия и интерсенсорного взаимодействия (Сергиенко, 2000, 2002).

Таким образом, базовая концепция физического и социального мира свидетельствует об активности, интегративности, социальности человека как субъекта, что позволяет предположить, что *истоки субъектности следует искать на самых ранних этапах развития человека*.

Но из этого не следует, что субъектом рождаются. Субъектом становятся. Это процесс можно представить как становление определенных уровней развития субъектности, которые организованы гетерархично.

Соотношение личности и субъекта рассматривалось в работах Мальрие: «Субъект не сводится к Персоне, хотя и является ее источником» (см.: Зауш-Годрон, 2004, с. 19). В этом случае существует континуум процессов субъективизации и персонализации, континуум между Субъектом и Персоной. Процесс же персонализации включает, по мнению А. Валлона, синтез двух аспектов развития: социализации и индивидуализации (как два комплементарных процесса) (Зауш-Годрон, 2004).

Можно предположить, что именно субъект становится *системообразующим фактором* на каждом этапе своего развития, созидая свою сложную многоуровневую систему психической организации. Личность (персона) – это стержневая структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвития. Метафорически это соотношение можно представить в виде командного и исполнительного звеньев. Личность задает направление движения, а субъект его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека.

В этом случае **психологическая зрелость – это, прежде всего, континуум согласования задач личности и интегративных возможностей субъекта**.

Человек будет осуществлять зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума субъект – личность. В этом процессе познание себя и другого занимает определяющее место, но может существовать и в недифференцированной (интуитивной) форме. Модель психического как модель внутреннего мира человека, определяемая векторами Я – Другой, выступает как основа субъектности человека, реализующая генеральную линию личностного развития (Сергиенко, 2005).

Что означает проявление зрелости? *Это означает, что он стремится сохранить свою целостность как субъекта и личности, а следовательно, делать то, что соответствует его жизненным смыслам и его собственной субъектности, т. е. его интегративной уникальности* (где все образует единую систему: вся история развития субъекта, гетерархия уровневой организации). Показателем синхронности и соответствия в континууме личность – субъект может выступать спонтанность поведения человека. Можно привести аналогию со знанием языка: как только мы выражаем спонтанно то, что мы хотим сказать, тогда можно

говорить о владении языком как средством общения или средством обмена психическими состояниями (желаниями, знаниями, эмоциями, настроениями и планами).

Средовые вызовы, с которыми справляется человек, в этом случае нельзя свести к адаптации человека к среде. Это слишком общие штампы, почти ничего не раскрывающие. Разве понятия социального интеллекта или эмоционального интеллекта могут указать на психическую зрелость человека? Разве внешний успех – всегда синоним психической зрелости? Как подчеркивал А. Маслоу, зрелый человек – это аутентичный, самореализующийся, продуктивный, ярко индивидуализированный и независимый от окружения.

В таком понимании *зрелость выступает как молярная характеристика, объединяющая все прочие виды и признаки зрелости в единый конструкт.*

Краткое обсуждение поля значений категории зрелости показывает, что к данной категории в большей степени применимы методологический и систематический критерии, но проблематично говорить о соответствии критерию предельности и принципообразующему. Категория зрелости связана и с принципом непрерывности развития, и с принципом саморазвития и самоорганизации, преемственности в развитии, и с системно-эволюционным принципом. Систематизированность как критерий категории указывает на тесную связь понятия зрелости с понятием уровня развития, стадии развития, тенденции, направления развития. Но четкого разделения, границ в соотношении этих понятий пока выделить не удастся, а следовательно, критерий предельности не выполняется, так же как и критерий принципообразующий.

В разработке и описании как феномена зрелости, так и категории зрелости необходимы значительные усилия и в методологии, и в экспериментальном уточнении.

Высказанные представления обладают высокой степенью дискуссионности, но данная тема ее предполагает.

Е. А. Сергиенко (Институт психологии РАН)

Литература

Абульханова-Славская К. А. Стратегии жизни. М.: Мысль, 1991.

Абульханова К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. Серия «Психологи отечества». М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО МОДЭК, 1999.

Абульханова К. А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во ИП РАН, 1997. С. 56–75.

Абульханова К. А. С. Л. Рубинштейн – ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке. М.: Изд-во ИП РАН, 2000. С. 13–27.

Абульханова К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. 2005. Т. 2. № 4. С. 3–22.

Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания. Избранные психологические труды. Серия «Психологи отечества». М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО МОДЭК, 1996.

Анцыферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.

Брушлинский А. В. Психология субъекта и его деятельности // Современная психология: Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. Гл. 4. Психическая регуляция поведения. М.: Инфра-М, 1999. С. 330–346.

Богданович Н. В. Субъект как категория отечественной психологии: Автореф. дис... канд. психол. наук. М., 2003.

Лидерс А. Г. Кризис пожилого возраста: гипотеза о его психологическом со держании // Психология старости и старения: Хрестоматия / Сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. М.: Издат. центр «Академия», 2003. С. 131–135.

Марцинковская Т. Д. История психологии. М.: Издат. центр «Академия», 2001.

Маслоу А. Психология бытия. М.: Изд-во Рефл-бук, Ваклер, 1997.

Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Сергиенко Е. А. Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке. М.: Изд-во ИП РАН, 2000. С. 13–27.

Сергиенко Е. А. Ранние этапы развития субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского. Гл. 9. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 270–310.

Сергиенко Е. А. Когнитивное развитие // Когнитивная психология / Под ред. В. Н. Дру- жинина, Д. В. Ушакова. М., 2002. Гл. 13. С. 347–391.

Сергиенко Е. А. Развитие модели психического как ментальный механизм становления субъекта // Субъект, личность, психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 113–146.

Хухлаева О. В. Психология развития: молодость, зрелость, старость. М.: Издат. центр «Академия», 2002.

Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Изд-во Ленато Аст Фонд «Университетская книга», 1996.

Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: Издат. группа «Прогресс» «Универс», 1993.

Зрелость: эмоциональная, нравственная, личностная, интеллектуальная, социальная, биологическая. Единая или множественная характеристика?

Для современной психологии поставленный вопрос звучит явно риторически. Единая или множественная характеристика? Безусловно, множественная! Однако после того, как мы научимся правильно определять и измерять каждую характеристику в отдельности, можно будет ставить вопрос и о разработке единой суммарной характеристики зрелости человека.

С нашей точки зрения, следует различать, по крайней мере, два совершенно разных аспекта в изучении зрелости человека. Во-первых, под зрелостью следует понимать такой уровень в развитии человека, когда наступает половозрелое состояние, т. е. то время, когда человеческий организм способен размножаться и порождать себе подобных. Такая биологическая зрелость задается преимущественно генетически для каждого вида, в том числе и для человека. Однако, кроме общего видового правила, есть и ряд дополнительных условий, влияющих на время биологической зрелости человека. Время зрелости зависит от пола, расы, географии проживания и качества пищи (Раштон, 1997). У африканских народов, например, половая зрелость наступает в 7–9 лет. У европейцев (кавказоидной расы) – в 12–14 лет, у восточных народов (например, китайцев) – в 14–16 лет. Во всех случаях у женщин зрелость наступает на 1–2 года раньше, чем у мужчин. В более южных (более теплых) районах раньше, чем в северных. Более калорийная пища также способствует раннему половому созреванию. Раннее созревание приводит и к ранней смерти. Действительно, статистически дольше живут восточные народы, а также народы, проживающие на северных широтах, употребляющие менее калорийную пищу, и, как исключение из правила, дольше живут женщины, хотя созревают на 1–2 года раньше. В чем причина данного феномена? Основная причина, по-видимому, заключена в социальном факторе. Мужчинам, идущим, по мнению В. А. Геодакяна (1989), «вперед эволюции», приходится постоянно осваивать новые экологические ниши, что сопряжено с более частыми и более сильными стрессами. Женщины сталкиваются со стрессовыми ситуациями значительно реже, что и обеспечивает им более спокойную и более продолжительную жизнь.

Кстати, именно социальные факторы резко изменили и саму половую дифференциацию. У людей возникла проблема андрогинии и гендера (Берн, 2001). Показано, что гендер (гендерная идентичность) зависит не только от биологического пола, но и от социально-культурной среды развития человека. С помощью специальных методов выявлено существование андрогинов – людей с психологическими признаками и мужчины и женщины. Количество таких людей в разных популяциях может достигать 40 %. Обнаружено также существование фемининных мужчин (мужчин с женскими психологическими признаками) и маскулинных женщин (женщин с мужскими психологическими признаками). Правда, статистически пока их не так много. Но что может означать это явление? Каковы биологические особенности (например, гормональный статус, кариотип, особенности мозговой организации) у людей с выраженной андрогинией и гендером? Когда и как они созревают? Как протекает у них половая дифференциация мозга? Все эти и многие другие вопросы, связанные с андрогинией и гендером, психологии еще предстоит решать.

Достижение половой зрелости совершенно не означает прекращение развития человека как биологического существа. Половая зрелость выступает лишь как основная веха, точка отсчета в развитии человека. Только после полового созревания психические и пси-

хофизиологические функции человека начинают достигать так называемого дефинитивного состояния, т. е. такого состояния, когда их основные параметры принципиально не отличаются от значений функций половозрелого человека в определенной популяции. Как правило, дефинитивное состояние достигается в период подросткового и юношеского возраста, когда у человека как отдельного индивида формируются стабильные формы поведения, характерные для взрослых особей. Это совсем не означает, что психические и психофизиологические функции созревают одновременно.

Всем хорошо известен закон гетерохронного развития психических и психофизиологических функций человека (Ананьев, Степанова, 1977; Ананьев, 1980). Этот закон означает, что различные психические и психофизиологические функции созревают (т. е. достигают дефинитивного состояния) в разное время. Для многих психических и психофизиологических функций такое время уже установлено или устанавливается в конкретных исследованиях (например, для памяти, внимания, интеллекта, темперамента, ЭЭГ и т. д.). Однако разброс «дефинитивного» созревания по времени не так уж велик и варьирует в различных популяциях для различных функций в среднем от 12 до 20 лет (Крайг, 2000).

Дефинитивный тип созревания психических и психофизиологических функций зависит в существенной степени от индивидуальных биологических особенностей созревания человека и идет параллельно с формированием вторичных и третичных половых признаков (Вейнингер, 1991). После достижения психическими и психофизиологическими функциями «дефинитивного» состояния наблюдается их относительная стабилизация (плато) в течение примерно 20–25 лет. После 40–45 лет происходит постепенное снижение их эффективности – падает острота слуха, зрения, координация, мышечный тонус и т. д. Ухудшаются, особенно после 60–65 лет многие физиологические показатели. Этот факт хорошо известен в медицинской практике (Кучма, 2002).

К сожалению, в настоящее время не существует единой общепринятой классификации возрастных периодов развития человека. Тем не менее большинство классификаций имеют общую тенденцию: выделяется четыре общих этапа (Крайг, 2000; Мухина, 1998). Первый этап – допубертатный (в среднем до 12 лет), второй – период становления дефинитивного состояния (в среднем от 12 до 20 лет), третий – период стабилизации (плато) – в среднем от 20 до 45 лет. И наконец, четвертый этап – период снижения эффективности психических и психофизиологических функций (в среднем от 45 лет, особенно после 65 лет, до конца жизни).

Следует особо отметить, что общие законы гетерохронного развития (созревания) психических и психофизиологических функций, справедливые в целом для популяции, могут существенно нарушаться у отдельных индивидов в силу индивидуальных генетических причин или же причин внутриутробного характера. Известны многочисленные случаи как чрезмерно раннего, так и чрезмерно позднего развития той или иной психической или психофизиологической функции. Например, по сообщению телевизионного канала «Discovery», недавно у одного 15-летнего мальчика-вундеркинда с очень ранним развитием (к 15 годам он уже блестяще окончил Гарвардский университет) с помощью магнитно-резонансного томографа было установлено, что лобные доли его мозга уже давно достигли взрослого состояния (и по структуре, и по активности), в то же время его эмоциональные структуры (в частности, структуры амигдалы) по уровню развития соответствовали мозгу нормального 15-летнего подростка. Кстати, этот мальчик любит детские игры, и в этом плане ничем не отличается от своих сверстников. Таким образом, интеллектуальные и эмоциональные характеристики у данного конкретного человека совершенно не совпадают по темпам своего развития и созревания. И причина этого – гетерохронное развитие структур мозга.

Очевидно, что использование в будущем новых технических средств поможет нам понять по-новому или даже пересмотреть некоторые законы гетерохронного развития пси-

хических и психофизиологических функций как на уровне популяций, так и на уровне отдельного конкретного индивида. Новые технологии изучения мозга принесут нам новые знания о закономерностях развития мозга и особенностей созревания его отдельных психических и психофизиологических функций.

Но имеется и другой, более важный аспект зрелости человека, не зависящий или мало зависящий от его биологических свойств, а именно аспект, характеризующий достижение психическими образованиями своего наивысшего (акмеологического) значения, обеспечивающими человеку так называемый личностный рост, наивысшие уровни его развития. Именно об этом аспекте зрелости я и хотел бы высказать некоторые свои соображения. Принципиальное отличие «акмеологической» зрелости от «дефинитивной», с нашей точки зрения, состоит в том, что акмеологическая зрелость относится, прежде всего, не к отдельным психическим и психофизиологическим свойствам и функциям, а к целостным образованиям и структурам психики человека. Достигнув своей вершины, своего пика, акмеологическая зрелость не останавливается на достигнутом уровне, а продолжает все время постепенно расти, достигая новых вершин, новых пиков.

Изучение развития человека, особенно взрослого, «зрелого» человека, стало в последние годы предметом специальной науки – акмеологии (Деркач, 2002; Бодалев, 2005). В частности, А. А. Бодалев определяет акмеологию «как науку, изучающую феноменологию, закономерности и механизмы развития человека на ступени его зрелости и особенно при достижении им наиболее высокого уровня в этом развитии». Ступень зрелости (вершина зрелости, акме) – это, по мнению А. А. Бодалева, многомерное состояние человека, которое характеризует, насколько человек состоялся как гражданин, как личность, как супруг, как родитель и особенно как специалист-труженик (профессионал «экстра-класса»). В настоящее время развивается не только общая акмеология, но и ее прикладные ветви: акмеология управленческая, педагогическая, военная, спортивная и др. (Деркач, 2002).

К сожалению, однако, многие теоретические вопросы этой молодой науки еще не решены. В частности, не определен основной критерий «акмеологической» зрелости. Достижение одной вершины (акме) еще не гарантирует достижения полной зрелости. Мы предлагаем обсудить следующий критерий. Истинная зрелость, по нашему мнению, наступает тогда, когда человек не только достигает вершины в своем развитии, но и приобретает способность передать плоды своего развития другому человеку, становится образцом, эталоном (гражданина, семьянина, профессионала «экстра-класса» и т. д.), т. е. своего рода идеалом, достойным подражания и тиражирования посредством обучения. Действительно, когда же человек достигает, с нашей теоретической точки зрения, своей акме, становится эталоном, максимально развитой в акмеологическом смысле личностью, развитой эмоционально, нравственно, интеллектуально и социально?

В психологии, особенно экзистенциальной и гуманистической, уже давно введены такие понятия, как «самоактуализирующаяся» личность (Маслоу, 1997), или «полностью функционирующая» личность (Роджерс, 1994), или «зрелая личность» (Оллпорт, 1961). К сожалению, черты, или особенности, такой зрелой личности описываются довольно поверхностно и весьма субъективно. Вот несколько примеров такого описания. Зрелая личность, например, по Г. Оллпорту, способна посмотреть на себя со стороны. У нее близкие отношения с друзьями. Она знает свои сильные и слабые стороны и т. д. Сходные характеристики такой личности мы находим и у А. Маслоу, и у К. Роджерса.

Но возникают вопросы: можно ли объективно измерить «экзистенциальную» зрелость личности, можно ли вообще фиксировать возрастную динамику созревания такой личности? Нам представляется, что до такой возможности еще далеко по той простой причине, что нет ясности в концептуальном аппарате описания не только зрелой личности, но и личности вообще. Мы часто путаем личность с индивидуальностью, личность с субъектом, субъект

с индивидуальностью или даже с индивидом. Не лучше обстоят дела и у наших западных коллег. Они не отличают и не пытаются отличать, например, личность от индивидуальности. Для них (например, для Штерна, 1998, или Оллпорта, 1961) эти термины практически взаимозаменяемы. И совершенно очевидно, что пока мы не разберемся, где личность, а где индивидуальность или субъект, вряд ли мы сможем адекватно оценивать и измерять возрастную динамику акмеологической зрелости чело века – нравственную, социальную, личностную или интеллектуальную. Кстати, список различных аспектов зрелости человека значительно шире, чем тот, который рассматривается в данной работе. Можно говорить и о духовной зрелости, и о гражданской зрелости, и о профессиональной зрелости и т. д. и т. п.

Дело в том, что перечисленные выше характеристики выявляют совершенно разные уровни свойств человека и нуждаются в совершенно разных способах для своего описания и измерения, без чего невозможно судить, когда же данная структура достигла своего апогея, или максимума, и стала эталоном для подражания.

Итак, начнем с самого главного. Что же такое субъект и как он соотносится с индивидуальностью? Этому вопросу посвящен целый ряд работ известных отечественных психологов (Рубинштейн, 2003; Брушлинский, 2003; Абульханова-Славская, 1973 и др.). Однако эта проблема далека от своего окончательного решения и нуждается в дальнейшей разработке.

Мы предлагаем для обсуждения следующую имплицативную модель свойств человека, которая, с нашей точки зрения, позволит подойти вплотную к проблеме описания и оценки акмеологического аспекта зрелости человека. Имплицативная модель свойств человека предполагает «вхождение» свойств более низкого уровня внутрь свойств более высокого уровня. Наиболее общим, внешне наблюдаемым свойством человека является «субъект». По мнению С. Л. Рубинштейна (2003), основными признаками субъекта является его способность к саморазвитию, самоопределению, самосовершенствованию, другими словами, способность достигать высшего оптимального уровня своего развития, своего идеала. По мнению А. В. Брушлинского (2003), субъект всегда активен, социален, идеологичен и историчен. Субъект строит и переделывает общество. Субъект голосует, занимается политикой, отстаивает свои нравственные позиции. Таким образом, основное содержание понятия «субъект» заключается в том, что в нем отражается наивысший уровень развития психики человека.

В субъект, согласно нашей модели, имплицативно следует включать другие, лежащие ниже свойства человека: индивидуальность, личность и индивид. Субъект как наивысший уровень развития свойств человека стоит над индивидуальностью, над личностью. Не внутри индивидуальности и личности, а над ними, при этом имеются в виду все аспекты субъекта: и общения, и познания, и труда (согласно Ананьеву, 1980), и деятельности и жизненного пути (согласно Абульхановой-Славской, 1973).

К сожалению, в современной отечественной психологии некоторые авторы произвольно многозначно трактуют термин «субъект». Трудно не согласиться с утверждением, что даже самый простейший психический акт представляет собой акт конкретного субъекта жизни и включен в общий контекст его развития (Барабанщиков, 2005). Но если мы принимаем, что субъект – это наивысший уровень, своего рода акме развития психики человека, наивысшая вершина восхождения человека по жизни, то не вытравливаем ли мы само понятие субъект, если говорим, например, о субъекте восприятия, о субъекте мышления?

Субъект, как и любое другое сложное системное психическое образование, может быть незрелым (не достигшим своей акме) и зрелым (достигшим своей акме). Незрелые и зрелые формы субъекта образуют, по-видимому, континуум. Зрелый субъект, с нашей точки зрения, действует во имя общества и решает социальные задачи во имя человека, выполняет функцию идеала в обществе. Незрелый же субъект разрушает общество, уничтожает духовные ценности общества, при этом он может быть высокоинтеллектуальным человеком и эмоцио-

нально уравновешенной личностью, более того, он может быть способным смотреть на себя со стороны, у него могут быть близкие отношения с друзьями и т. д. Таким образом, незрелый субъект может иметь вполне зрелую личность. Этот парадокс мы нередко наблюдаем в реальной жизни. Только при наличии уровня зрелого субъекта человек становится творцом не только своей жизни, но и способствует творчеству других людей, принимает ответственные решения по взаимодействию с внешним миром, с обществом. Не личность задает направление движению развития человека, а субъект, поскольку, согласно нашей модели, субъект стоит над индивидуальностью и личностью. Индивидуальность, личность и индивид – всего лишь, согласно нашей модели, внутренние средства, инструменты для реализации жизненных траекторий субъекта.

Зрелый субъект может быть сопоставлен с высшим уровнем развития личности, традиционно называемым в западной психологии уровнем «самоактуализации» (Маслоу, 1997; Роджерс, 1994). По мнению А. Маслоу, далеко не все люди достигают уровня самоактуализации. А точнее, – не более 10 % людей способны самоактуализироваться, т. е. развернуть полностью свой жизненный потенциал в современном обществе, а 90 % людей не способны этого сделать. Может быть, они не хотят этого? Да нет же! Происходит это потому, что, согласно взглядам А. Маслоу, для самоактуализации, помимо внутренних психологических механизмов и опыта, необходимо соблюсти еще целый ряд внешних социальных условий: во-первых, необходимо удовлетворить биологические потребности человека (иметь хорошую пищу и экологию); во-вторых, иметь крышу над головой и иметь достойный заработок; в-третьих, иметь семью; и, в-четвертых, получать уважение со стороны окружающих. И только тогда, по мнению А. Маслоу, человек способен достигнуть уровня самоактуализации (т. е. акме) и жить метапотребностями свободы, красоты, целостности, творчества, трансцендентности и т. д.

Таким образом, самоактуализированная личность – это, как показал А. Маслоу, особый продукт взаимодействия внутренних и внешних условий. Более того, нам кажется, что далеко не каждый человек, достигший уровня самоактуализации, по А. Маслоу, становится автоматически зрелым субъектом в нашем смысле. Зрелый субъект – это особый просоциальный тип самоактуализированной личности, творящий себя и способствующий творчеству других людей в свободном обществе. В недемократических обществах не может быть много самоактуализированных личностей (их только единицы), и естественно – еще меньше зрелых субъектов, поскольку самоактуализированный человек, а тем более творящий себя и других зрелый субъект, живет, прежде всего, потребностями свободы, которая возможна только в демократическом обществе. Отсюда становится понятным, почему так редко можно встретить зрелых субъектов. Тем не менее научная проблема психологии самоактуализации и субъекта должна стоять перед нами, хотя бы в теоретическом плане, как светлое будущее психического развития человека и человечества.

От чего зависит зрелость субъекта? В первую очередь, от самого субъекта, от его индивидуальности, личности и его индивидуальных свойств, которыми он располагает. Только зрелый индивид, только зрелая личность, только зрелая индивидуальность может «породить» зрелого субъекта. Однако зрелость субъекта не наступает автоматически после того, как индивид, личность и индивидуальность достигли своей зрелости. Решающая роль в формировании зрелого субъекта принадлежит, бесспорно, социальным, политическим, нравственным, а более широко – духовным факторам того общества, в котором живет и развивается человек. В связи с этим временной разброс достижения наивысшей (акмеологической) зрелости субъекта может довольно сильно колебаться – от 35–55 лет и до самой смерти. А при отсутствии адекватных социальных условий может не наступить никогда. Нам представляется, что решением проблем, связанных с субъектом, – его развитием и становлением его зрелых форм, могла бы заниматься специальная наука – субъектология.

Субъекты, а не индивидуальности и личности объединяются в группы, коллективы для решения социальных задач. Только субъект может быть индивидуальным и коллективным. А вот индивидуальность всегда индивидуальна. И личность всегда индивидуальна, поскольку находится внутри индивидуальности. Представления некоторых авторов о существовании некоторой коллективной интегральной индивидуальности (например, интегральная индивидуальность определенной выборки испытуемых) кажутся малоубедительными. Не случайно, что при таком понимании интегральной индивидуальности понятие «субъект» исчезает, становится ненужным.

«Индивидуальная» индивидуальность как компонент субъекта всегда интегральна, так как включает много уровней, ее составляющих, в частности, уровень личности и индивида. Понятие «индивидуальность» значительно шире и богаче, чем понятие «личность» (Мерлин, 1986; Русалов, 1986, 2004). Личность является всего лишь одним из компонентов индивидуальности. Помимо понятия личности, в «индивидуальность» входят также «темперамент» и «индивид как биологическая компонента человека».

Психология индивидуальности, с нашей точки зрения, становится сегодня той площадкой, на которой вновь сливаются, когда-то разделившиеся ветви психологии – общая и дифференциальная. В психологии индивидуальности эти две линии исследования прослеживаются наиболее четко: одна общепсихологическая, другая – дифференциально-психологическая. С общепсихологической точки зрения, индивидуальность – это уникальная, автономная, внутренне конгруэнтная, динамически уравновешенная, саморазвивающаяся система. И как уникальная, сингулярная система она не может быть статистически сравнима ни с какой другой индивидуальностью. Здесь уместен только метафорический язык (например: индивидуальность самобытная, трансцендентальная и т. д.). Такое общепсихологическое понимание индивидуальности близко к понятию личности (здесь термины взаимозаменяемы) в экзистенциальной и гуманистической психологии (Франкл, 1990; Маслоу, 1997; Роджерс, 1994 и др.). И совершенно очевидно, что экзистенциальное понимание личности (индивидуальности) далеко от традиционного дифференциально-психологического понимания индивидуальности, поскольку здесь нет измерений, нет средних, нет дисперсии описываемых свойств.

Можно ли определить, когда такая трансцендентальная индивидуальность (личность) созрела, достигла своей акме, своего апогея, стала осознавать и переживать уникальность своего бытия в мире. Трудно сказать, но гипотетически: только на поздних этапах жизни в возрасте примерно 30–50 лет, а, возможно, и на самых последних этапах жизни, когда человек еще способен находить смысл своего бытия.

Конкретную индивидуальность, тем не менее, можно изучать и измерять с дифференциально-психологической точки зрения. Еще В. Штерн (1998) предлагал посмотреть на индивидуальность (личность, для него эти понятия были взаимозаменяемыми) как некоторый профиль (вертикальный срез) психологических свойств относительно обобщенных свойств конкретной популяции, к которой принадлежит данный конкретный человек. Но в этом случае при таком подходе, очевидно, что один и тот же человек, один и тот же индивид (снова парадокс!) может иметь много индивидуальностей (много профилей) в зависимости от конкретных популяций, с которыми сравнивается данная конкретная индивидуальность. Например, среди папуасов некто (по профилю), возможно, высокий стройный красивый мужчина. Среди других популяций – он, возможно, имеет другой, менее привлекательный профиль. Существование универсальной общечеловеческой репрезентативной выборки, с которой можно было бы сравнить конкретного человека, и с теоретической, и с практической точки зрения, является бессмысленным. Отсюда следует, что в данный исторический момент придется признать весьма условный характер профиля, или индивидуальности человека с дифференциально-психологической точки зрения, хотя в рамках опреде-

ленных популяций (чаще всего таковыми являются студенты) вполне приемлемо проводить статистические сравнения одних «обобщенных» индивидуальностей с другими «обобщенными» индивидуальностями, отличающимися по полу, уровню образования, самооценке и т. д. и т. п. Здесь проблема измерения индивидуальностей становится проблемой измерения индивидуальных различий – производятся обычные статистические сравнения индивидуальных различий между сопоставляемыми группами по всем возможным показателям профиля (по показателям личности, темперамента и индивидуальным свойствам). В этом случае можно вычислять факторы, кластеры, типы таких различий для разных уровней индивидуальности, что, собственно, и делается, особенно в школе В. С. Мерлина. При таком подходе к индивидуальности, как бы мы ее ни называли, интегральная индивидуальность, или просто индивидуальность, индивидуальность конкретного человека как таковая, здесь отсутствует, растворяется, исчезает в особенностях сопоставляемых групп, поскольку один и тот же человек может иметь не одну, а много индивидуальностей (много профилей) в зависимости от популяций, с которыми конкретная индивидуальность сопоставляется.

По мнению В. С. Мерлина (1986), в будущем мы сможем установить законы иерархического структурирования уровней развития материи в каждом конкретном человеке: от физического, генетического, биохимического, физиологического, личностного и т. д. до групповых и социоисторических уровней. Каждый уровень индивидуальности, с его точки зрения, соответствует определенному уровню развития материи: биохимическая индивидуальность – биохимическому уровню, нейродинамическая индивидуальность – нейродинамическому, психодинамическая индивидуальность – темпераментальному, личностная индивидуальность – личностному уровню и т. д. В. С. Мерлин при этом особенно подчеркивал (и мы с ним здесь вполне солидарны), что индивидуальность человека не может быть сведена ни к одному из вышеперечисленных уровней. Индивидуальность отражает интеграцию всех уровней – и биологических, и социальных – в конкретном отдельно взятом человеке.

В. С. Мерлин (1986) и его ученики, например, Л. Я. Дорфман (1993) в интегральной индивидуальности выделяют не менее восьми уровней. В этом, с теоретической точки зрения, бесспорно, есть резон. Однако мы полагаем, что было бы более целесообразно пока ограничиться выделением четырех основных уровней индивидуальности. Первый, самый высший уровень можно назвать «субъектно-содержательным личностным» уровнем индивидуальности. Это – не субъект. Это – уровень индивидуальности, наиболее тесно взаимодействующий с субъектом. Этот уровень составляют не общественные, а индивидуальные (личностные) смыслы жизни, личная (индивидуальная) система ценностей, самоотношений, самооценок. Указанные характеристики индивидуальности (личности), с нашей точки зрения, «созревают» по мере того, как человек (индивидуальность) убеждается в личной эффективности этих смыслов, ценностей, самоотношений. Эти смыслы, ценности, самоотношения могут беспрерывно меняться, расти и усложняться. Всю жизнь идет поиск новых смыслов, новых ценностей. Когда же этот содержательно-личностный уровень индивидуальности достигает своего апогея, акме? Думаю, происходит это примерно к 30–50 годам. Дальнейшее постепенное наращивание акме (появление новых пиков) этого содержательно-личностного уровня индивидуальности может иметь место в течение всей жизни. Человек и как субъект, и как индивидуальность, и как личность даже перед смертью ищет новые смыслы жизни, новые ценности. Очевидно, что субъектно-содержательный личностный уровень индивидуальности в рамках нашей терминологии аналогичен экзистенциальному (гуманистическому) пониманию личности, принятому в западной психологии (Франкл, 1990; Маслоу, 1997; Роджерс, 1994 и др.).

Второй, или промежуточный, уровень назван нами «личностным динамико-содержательным» уровнем индивидуальности. Сюда мы относим интеллект и характер. Характеристики этого уровня зависят не только от социальных факторов (опыта, образования, само-

образования), но от природных предпосылок: темперамента и индивидуальных свойств, прежде всего от свойств нервной системы (Русалов, 1986, 1999). В связи с двойственной детерминацией свойств этого уровня можно, по-видимому, говорить как об их дефинитивной, так и акмеологической зрелости. Дефинитивные аспекты зрелости интеллекта и характера (зрелость психической активности, зрелость скорости психических процессов, пластичности, эмоционального порога и других формально-динамических компонентов, входящих в интеллект и характер) хорошо изучены и продолжают изучаться с помощью различных методов, в том числе и в лонгитюдных исследованиях. Время дефинитивного созревания формально-динамических аспектов интеллекта и характера происходит, с нашей точки зрения, в среднем примерно в возрасте от 12 до 20 лет. Акмеологические же аспекты интеллекта и характера (ментальный и мотивационный опыт, копинг-стратегии и другие содержательные характеристики) достигают своего апогея, очевидно, значительно позже – к 25–45 годам. Достигнув своей вершины, они продолжают развиваться и дальше, о чем свидетельствуют многочисленные исследования о повышении показателей, например, интеллекта, у людей преклонного возраста, если они продолжают заниматься профессиональной деятельностью (Голубева, 2005). Выше рассмотренные уровни индивидуальности – субъектно-содержательный и динамико-содержательный – и представляют собой, с нашей точки зрения, «личность». Такая личность органически включена в индивидуальность, а индивидуальность в субъект.

Третий уровень индивидуальности касается так называемых поведенческих, стилевых, формально-динамических, или темпераментальных, свойств индивидуальности. Формально-динамические свойства, или свойства темперамента, в своем развитии зависят преимущественно от биологических факторов, в частности, от свойств нервной системы, что объясняет их стабильность и относительную независимость от содержания текущей деятельности (Русалов, 1999, 2004). Эти свойства можно измерять с помощью опросников ОСТ и ОФДСИ (Русалов, 2004). Было показано, что формально-динамические свойства достигают дефинитивного состояния, т. е. созревают примерно к 12–20 годам (Русалов, 2004). Акмеологический же аспект созревания темпераментальных свойств, по-видимому, не существует, поскольку эти свойства в своем развитии обусловлены в основном биологическими факторами (Русалов, 1999).

Четвертый уровень индивидуальности охватывает биологические свойства человека как индивида. Этот уровень (слой) является самым глубоким, самым «внутренним» образованием человека. Это – свойства нервной система, телесные и другие свойства. Изучать такие свойства и их роль в развитии индивидуально-психологических особенностей человека призвана, как известно, специальная наука – дифференциальная психофизиология (Теплов, 1985; Небылицын, 1976; Голубева, 2005; Русалов, 1986). Современное развитие смежных наук (в частности, системной психофизиологии, нейрхимии, нейрофизиологии и др.), а также последние достижения современных технологий, по-видимому, будут способствовать более быстрому развитию этой науки, которая, наряду с психогенетикой, является главным источником наших знаний о природных предпосылках развития человека, куда входят не только мозговые, но и телесные, и биохимические, и биофизические свойства индивида (Аминев, Аминев, 2000).

Хотелось бы отметить, что мы уже располагаем немалыми знаниями в этой области, однако мы еще весьма далеки от знания истинной картины природных предпосылок развития человека. Индивидуные свойства, также как и темпераментальные, имеют только один аспект зрелости, а именно, дефинитивный. Нам еще предстоит благодаря новым технологиям и новым методам изучения индивидуальных свойств совершенно по-новому посмотреть, прежде всего, на развитие мозга и его структур, на формирование свойств нервной системы, которые лежат в основе формально-динамических свойств, или темперамента. Последние

же, как показано в наших исследованиях, обуславливают формирование свойств интеллекта и характера (Русалов, 1986, 1999). Не исключено также, что эти последние, т. е. свойства характера и интеллекта, оказывают косвенное влияние на формирование субъектно-содержательных личностных свойств индивидуальности.

Еще раз подчеркнем, что свойства различных уровней индивидуальности, о которых говорилось выше, в эмпирических исследованиях являются чисто статистическими величинами, усредненными баллами, которые мы получаем в результате применения различных тестов. Индивидуальность здесь представлена как профиль свойств конкретного человека по сравнению с обобщенными свойствами определенной популяции, в которой производится сравнение данной индивидуальности. В различных популяциях этот профиль может быть совершенно разным.

Есть ли выход? Можно ли объективно измерить индивидуальность как уникальную систему свойств, отличную от других индивидуальностей? Мы считаем, что можно. Нами разработан специальный способ оценки свойств различных уровней индивидуальности – на всех ее уровнях – объективными, надежными и валидными методами. Результаты этой разработки используются нами уже более пяти лет в практической работе. Суть метода заключается в следующем. Конкретный человек сравнивает имплицитно свои свойства (смыслы, ценности, отношения, свойства интеллекта, характера, темперамента и т. д.) не со свойствами других людей, а со своими собственными свойствами. Сравнивая попарно на экране компьютера свойства того или иного уровня индивидуальности, конкретный человек должен решить, какое из предъявленных свойств (смыслов, ценностей, свойств интеллекта, характера и т. д.), для него является в настоящее время более ценным, более важным, более значимым, более выраженным, и выбрать эти предпочитаемые свойства. В результате этих выборов выстраивается иерархизированная пирамида субъектно-содержательных свойств (например, ценностей), пирамида динамико-содержательных личностных свойств (интеллекта, характера), пирамида темпераментальных свойств и т. д. Регистрация времени реакции выбора свойств, которая обязательно включена в процедуру измерения, позволяет уточнить иерархию свойств индивидуальности в пирамиде в случае равного числа выборов. Естественно, что данный метод может быть реализован только в компьютерном варианте. Многократные повторные исследования пирамиды свойств отдельных испытуемых (отдельных индивидуальностей) показывают высокую устойчивость структуры внутренних свойств. Тест-ретестовая корреляция, полученная в повторных исследованиях через 2–4 недели, имеет значение не менее 0,8. Успешное решение ряда практических задач свидетельствует о высокой валидности метода. Таким образом, в современной психологии грань между общей и дифференциальной психологией, изучающими индивидуальность человека, фактически стирается. Разработанный нами метод позволит в дальнейшем ответить на многие вопросы о том, как и в какое время созревает отдельная индивидуальность. А пока лишь можно высказать предположение, что индивидуальность, связанная с уникальностью, самобытностью, созревает (достигает своего устойчивого апогея) довольно в позднем возрасте примерно в среднем – к 30–50 годам.

Еще раз я хотел бы отметить, что до тех пор, пока мы не выработаем единую систему представлений о том, что такое субъект, индивидуальность, личность и куда относить, к какой категории, например, эмоциональные или интеллектуальные свойства, нравственные или социальные свойства, мы вряд ли сможем решить «острые» проблемы развития человека (Сергиенко, 1990) и понять те условия, при которых достигается зрелость тех или иных характеристик человека. Прежде всего, мы должны определиться, какую зрелость мы имеем в виду – дефинитивную или акмеологическую. Дефинитивная зрелость после прохождения своего плато начинает с возрастом постепенно снижаться. Акмеологическая же зрелость, наоборот, после достижения вершины (акме) продолжает увеличиваться, дости-

гать новых вершин, по-видимому, за счет системных реорганизаций психических свойств. Противоположное направление векторов движения дефинитивной и акмеологической зрелости в конце концов приводит к тому, что физически беспомощный человек преклонного возраста нередко являет собой образец одухотворенной, просветленной личности (индивидуальности, субъекта). Не в этом ли заключается одна из причин глубокого, нарастающего внутреннего конфликта (или, скорее, трагедии) пожилых людей?

В представленной в заглавии статьи теме были названы лишь некоторые характеристики зрелости человека. Я бы «разбросал» их следующим образом по условным шкалам зрелости. Базальные эмоциональные свойства (страх, гнев, печаль, радость) – это свойства темперамента. Они созревают, т. е. становятся устойчивыми в дефинитивном смысле, к 12–20 годам. Темпераментальные и биологические (индивидуальные свойства) характеризуются зрелостью только в дефинитивном смысле и созревают (т. е. достигают вершины-плато) примерно к этим же годам.

«Эмоциональность» как внутренний мир тонких мировоззренческих чувств, по-видимому, необходимо отнести, если исходить из представлений С. Л. Рубинштейна (2003), к субъектным свойствам. Эти ценностно-смысловые эмоциональные характеристики созревают только в акмеологическом смысле. Происходит такое созревание значительно позднее – в среднем примерно к 35–55 годам.

Нравственные свойства – это тоже свойства субъекта. Они созревают в акмеологическом смысле также довольно поздно, примерно в те же годы, что и характеристики «мировоззренческой» эмоциональности, а при отсутствии адекватных условий социальной среды – никогда.

Субъектно-содержательные личностные свойства (смыслы, цели, самоотношения, самооценки) созревают в акмеологическом смысле к 30–50 годам. А вот динамико-содержательные свойства личности – интеллект, характер – характеризуются двумя типами зрелости: и дефинитивной, и акмеологической. В дефинитивном смысле зрелость интеллекта и характера наступает в среднем к 12–20 годам. В акмеологическом смысле – к 25–45 годам.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что высказанные нами предположения о временных рамках дефинитивной и акмеологической зрелости для различных психических свойств и образований (в частности, для субъекта, индивидуальности, личности) носят явно умозрительный характер. Необходимы специальные эмпирические исследования, которые позволили бы решить эту острейшую ключевую проблему психологии.

В. М. Русалов (Институт психологии РАН)

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* О субъекте психической деятельности. М.: Наука, 1973.
- Аминев Г. А., Аминев Э. Г.* (Ред.). Проблемы биофизики духовности и одаренности. Уфа: БПО РПО, 2000. С. 324.
- Ананьев Б. Г.* Избранные труды. В 2 т. М.: Педагогика, 1980.
- Ананьев Б. Г., Степанова Е. И.* (Ред.). Развитие психофизиологических функций взрослых людей. М.: Педагогика, 1972. С. 227–246.
- Барабанщиков В. А.* Методы психологического познания: системный взгляд // Труды ярославского методологического семинара. Метод психологии. М.: МАПН, 2005. Т. 3. С. 14–23.
- Берн Ш.* Гендерная психология. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
- Бодалев А. А.* Вершина в развитии взрослого человека. Акмеология – новая наука. 2005: <http://hpsy.ru/public/x798/html>

- Брушлинский А. В.* Проблемы психология субъекта. М.: Изд-во ИП РАН, СПб.: Алетейя, 2003. С. 274.
- Вейнингер О.* Пол и характер. Мужчина и женщина в мире страстей и эротике / Пер. с нем. М.: Форум XIX–XX–XXI, 1991.
- Геодакян В. А.* Теория дифференциации полов и проблема человека // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. С. 171–189.
- Голубева Э. А.* Способности. Личность. Индивидуальность. Дубна: Феникс+, 2005. С. 512.
- Деркач А. А.* (Ред.). Акмеология. Учебник. М.: РАГС, 2002. С. 650.
- Дорфман Л. Я.* Метаиндивидуальный мир. М.: Смысл, 1993. С. 456.
- Крайг Г.* Психология развития. СПб.: Питер, 2000.
- Кучма В. В.* (Ред.). Этапы жизнедеятельности человека и медицинские услуги в разные возрастные периоды. М.: Изд-во Академия, 2002. С. 400.
- Маслоу А.* Психология бытия. М.: Рефл-бук, 1997. С. 300.
- Мерлин В. С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
- Мухина В. С.* Возрастная психология. М., 1998.
- Небылицын В. Д.* Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М.: Наука, 1976. С. 336.
- Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Русалов В. М.* Теоретические проблемы построения специальной теории индивидуальности. Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 4. С. 23–29.
- Русалов В. М.* Формально-динамические свойства индивидуальности человека (темперамент) // Краткая теория и методы измерения для различных возрастных групп: Методическое пособие. М.: МГТУ им. Баумана, 2004. С. 136.
- Русалов В. М.* Темперамент // Современная психология: Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Инфра, 1999. С. 459–483.
- Русалов В. М.* Опросник черт характера взрослого человека (ОЧХ-В). М.: МГТУ им. Баумана, 2003. С. 100.
- Сергиенко Е. А.* Проблемы психологии развития: некоторые острые вопросы и пути их решения. Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 1. С. 150–160.
- Теплов Б. М.* Избранные труды. М.: Педагогика, 1985. Т. 1, 2.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Штерн В.* Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: Наука, 1998. С. 335.
- Allport G. W.* Pattern and growth in Personality. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1961.
- Bem S. L.* The measurement of psychological androgyny. Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. 42. 155–162.
- Rushton J. P.* Race, Evolution and Behavior. Transaction Publishers. 1997.

Зрелость и незрелость в контексте ортогенетического закона развития

2

Один из универсальных законов развития, ортогенетический принцип Гёте – Спенсера – Вернера состоит в следующем: «Всюду, где есть развитие, оно идет от состояний относительно глобальности и отсутствия дифференциации к состояниям большей дифференцированности, артикулированности и иерархической интеграции. Органическое развитие – это всегда постепенно возрастающая дифференциация, иерархическая интеграция и централизация внутри генетического целого» (Чуприкова, 1997, с. 71). Снижение достигнутого уровня дифференцированности и интегрированности системы означает, соответственно, ее регресс, деградацию (там же; Werner, 2004). «Орто» по-гречески означает «прямой», «правильный», и само название «ортогенетический закон» отражает, таким образом, представления об универсальном правильном направлении процесса развития (Чуприкова, 2003, с. 57). Как предполагается, этот закон характеризует развитие любых целостностей – организмов, индивидов, социальных общностей и т. д.

Мы считаем, что здесь возникает ряд критически важных вопросов, на которые необходимо получить ответы, чтобы лучше понимать процессы и закономерности созревания систем. Возможность постановки этих вопросов означает, что ортогенетический принцип еще сам находится в стадии созревания и таит в себе потенциал различных направлений развития.

1. Вопросы отношений между процессами интеграции и дифференциации внутри системы. Являются ли отношения между: а) мерой интегрированности и б) мерой дифференцированности системы константой для разных организмов, индивидов, обществ и т. д.? Являются ли отношения между интеграцией и дифференциацией константой на протяжении развития той или иной конкретной системы (напри мер, на протяжении жизненного цикла индивида, на разных стадиях его созревания)? Возможны ли те или иные асинхронии, разные ритмы динамики дифференциации и интеграции? Например, может ли рост дифференцированности сопровождаться снижением интегрированности, и наоборот?

В работах разных авторов по ортогенетическому закону нам не удалось обнаружить описания и анализа такой противонаправленной динамики. Создается впечатление, что они, включая самого Х. Вернера, рассматривали и рассматривают интеграцию и дифференциацию связанными такой связью, которая задает строго однонаправленные, однотипные изменения. Это либо: а) одновременный рост дифференциации и интеграции, либо б) их одновременное снижение (например, при патологии). Между тем, в контексте системной методологии Х. Вернера такого рода связь может рассматриваться скорее как атрибут системы невысокой пластичности и дифференцированности (а не гибкой и дифференцированной системы).

2. Вопросы об отношениях и взаимодействиях между системами. Как принцип необходимого разнообразия, открытый У. Р. Эшби, работает в области распределения отношений «интеграция – дифференциация» между разными системами? Каковы закономерности взаимодействия между такими системами, которые отличаются друг от друга по соотношению «интегрированность – дифференцированность»? Как, например, будет взаимодействовать система относительно высокой дифференцированности и несколько меньшей интегрирован-

² Работа поддержана грантом РГНФ 04-06-00274а.

ности с другой системой относительно большей интегрированности и несколько меньшей дифференцированности?

Становятся ли взаимодействия между системами по мере развития более интегрированными и дифференцированными? В каких случаях эти взаимодействия и отношения являются синергичными и в каких – взаимно подавляющими или же обеспечивающими победу одной системы и поражение, уничтожение другой?

С нашей точки зрения, ответы на эти вопросы требуют дальнейших фундаментальных исследований. Здесь мы остановимся только на некоторых из них в контексте анализа проблем психологического созревания.

Системы, далекие от равновесия интеграции и дифференциации

Если исследователь считает, что отношения между дифференциацией и интеграцией являются неизменными, то необходимо постараться установить эту фундаментальную константу мирового развития – может быть, даже как физическую константу путем тех или иных измерений и (или) математического вывода.

Но нам представляется более правдоподобным, что отношения между дифференциацией и интеграцией являются динамически изменяющимися. Развитие различных систем и их внутренних частей характеризуется различными отношениями между процессами интеграции и дифференциации. Идеальный баланс, при котором каждый шаг в направлении возрастания (убывания) дифференциации сопровождается абсолютно эквивалентным одновременным шагом в направлении возрастания (убывания) интеграции или, наоборот, представляется скорее абстракцией. Разные системы движутся по существенно разным траекториям в пространстве «интегрированность – дифференцированность – зрелость» (рисунок 1).

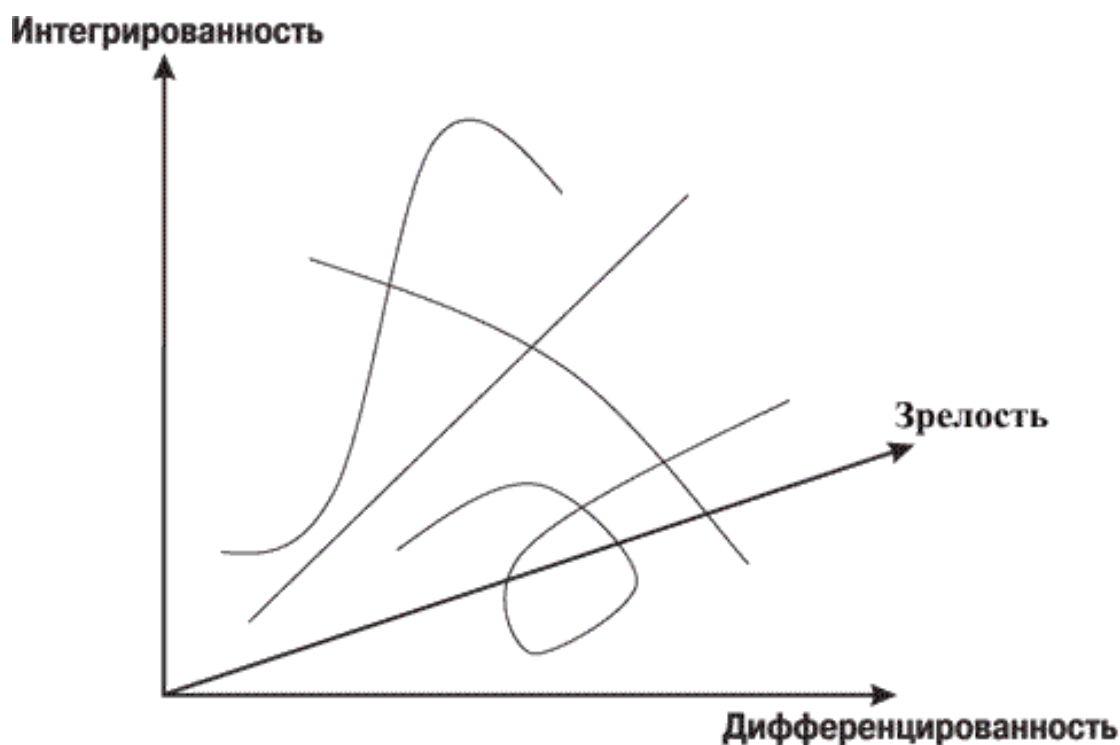

Рис. 1 Варианты развития различных систем по параметрам динамики интегрированности и дифференцированности (эскиз) (Poddiakov A., 2006)

Соответственно, для описания некоторых систем может быть более адекватным представление о противонаправленной динамике интеграции и дифференциации. Так, С. Д. Пьянкова (2005) в своем исследовании рассматривает когнитивную интегрированность и дифференцированность как «сообщающиеся сосуды»: рост (снижение) интегрированности связан с одновременным снижением (ростом) дифференцированности.

Разнообразие траекторий и неопределенность прогноза их развертывания может возрастать из-за межсистемных взаимодействий (Poddiakov, 2006).

В целом при анализе созревания систем мы исходим из следующего общего положения. Существуют системы, далекие от равновесия интеграции и дифференциации, и эти системы можно грубо подразделить на два типа в соответствии с тем типом развития системы, который преобладает на данном этапе (Поддьяков, 2006).

Развитие систем первого типа идет в основном путем формирования новых нижележащих уровней, подчиняющихся уже имеющимся уровням. Такой путь позволяет осуществлять более совершенное управление с вышележащих уровней и повышает их относительную значимость в системе.

Развитие систем второго типа связано преимущественно с возникновением новых, более высоких уровней, берущих на себя координацию и перестройку функционирования нижележащих уровней. Здесь можно говорить о более важной роли, о доминировании (на данном этапе развития системы) процессов интеграции. Большинство реальных систем развивается в обоих направлениях, однако одно из них может преобладать.

Пока развитие осуществляется преимущественно по пути формирования более высоких уровней, качественно изменяющих структуру управления, можно говорить о ведущей роли процессов интеграции. При этом образования новых уровней вступают во взаимодействия (в том числе конфликтные) и с образованиями предшествующих уровней, и с только возникающими, более новыми уровнями. В норме в результате этого взаимодействия формируется новая целостность, характеризующаяся новым уровнем интегрированности и дифференцированности (Поддьяков, 2006).

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что достигнутая зрелость реальной системы всегда относительна. При возникновении тех или иных новых, более высоких уровней система теряет эту свою зрелость. А по мере преимущественного развития в направлении формирования нижележащих уровней она скорее приобретает зрелость, созревает.

Анализируя психическое развитие в онтогенезе, Н. Н. Поддьяков (1997а, 1997б) считает, что следует говорить не о балансе, а о доминировании процессов интеграции над дифференциацией в дошкольном возрасте. Период дошкольного детства характеризуется появлением важнейших психических новообразований – высших психических функций (речи, мышления, произвольного поведения и т. д.), которые подчиняют себе, регулируют и координируют функционирование и развитие образований более низкого уровня (и психических, и физиологических). Разумеется, при этом идет интенсивная и чрезвычайно важная дифференциация ранее возникших образований предшествующих уровней, однако направления этой дифференциации уже в значительной мере подчиняются возникающим новообразованиям более высокого уровня. Н. Н. Поддьяков выделяет *поисково-пробующие формы интеграции*. А именно несколько возникающих глобальных диффузных структур могут объединяться в различные комбинации, «нащупывая» ту или иную закономерность, оптимальные варианты структуры, функционирования, развития. Эти интеграционные процессы образуют фронт изменяющихся «горизонтов развития» ребенка по ряду магистральных направлений. Понятие горизонтов развития отличается от зон развития Л. С. Выготского (Поддьяков, 1997б).

Положение о доминировании процессов интеграции над дифференциацией в дошкольном возрасте было позднее подтверждено и на нейропсихологическом уровне (Каданкова, 2000).

Следует подчеркнуть, что, с нашей точки зрения, уже в работах самого Х. Вернера можно найти некоторые предпосылки рассмотрения интеграции и дифференциации как не вполне сбалансированных (хотя и не противонаправленных) в некоторых важных случаях. Он различал два значения понятия развития: а) развитие как специализация (*development as specialization*); б) развитие как креация, созидание (*development as creation* или *creative development*) (Werner, 2004, p. 19). И писал, что развитие психики ребенка характеризуется «возрастающей централизацией за счет высших функций, упорядочивающих, задающих форму и направление низшим активностям» (Werner, 2004, p. 52–53). Однако созревание Х. Вернер все-таки рассматривал как одновременный рост интеграции и дифференциации, а диффузность психических образований считал недостатком.

В контексте этого общего понимания развития он, например, интерпретировал рост коэффициентов корреляции между психическими функциями от младенческого к детскому возрасту и их последующее снижение к юношескому. С его точки зрения, это последующее снижение означает рост дифференциации при общем возрастании иерархической интеграции. Правда, здесь возникают вопросы и противоречия, вызванные неоднозначностью операционализации понятий «интегрированность» и «дифференцированность». Например, Хейлиген (Heylighen, 1999) рассматривает интеграцию как рост числа и силы связей. С этой точки зрения, падение числа значимых корреляций может означать только снижение, а никак не рост интегрированности в отличие от интерпретации Х. Вернера. Примером может служить Π -образная динамика коэффициентов корреляции психических функций при патологии – она может означать падение интеграции и движение всех связей к распаду. Вероятно, Х. Вернеру следовало уточнить, в каком именно диапазоне Π -образная динамика может быть вполне однозначно интерпретирована тем или иным образом.

Относительность различий

Следует подчеркнуть, что процессы интеграции и дифференциации, синтеза и анализа неразрывно связаны, и выделение того или иного типа процессов в качестве ведущего носит не абсолютный, а относительный характер. Более того, У. Р. Эшби строго доказал, что любая динамическая система может быть представлена таким образом, что она будет обнаруживать разнообразие произвольно выделенных частей просто за счет изменения точки зрения наблюдателя. «В заданном целом с данным произвольным поведением может быть найдено огромное число произвольных частей» (Эшби, 1966, с. 319).

Таким образом, усмотрение в системе тех или иных элементов и частей является относительным и обусловлено во многом субъективно. Этот выбор не может быть абсолютно произвольным; необходимо, чтобы выделенная часть могла быть объединена с другой частью так, чтобы «они совместно были изоморфны данному целому» (изоморфны в понимании, введенном Эшби). Но – даже при таком ограничении – вариантов этого изоморфизма для конкретной системы может быть огромное количество. Поэтому дробление на мелкие или же на крупные элементы в значительной мере зависит от исследователя (Эшби, 1966; Heylighen, 1999).

Д. Хофштадтер развил эти положения У. Р. Эшби и проиллюстрировал свои рассуждения забавными и общепонятными картинками-метафорами. Хотя они и не могут служить строгими доказательствами, но способствуют пониманию самой идеи того, что выделение в системе тех или иных составляющих и дробление их на части зависит от взгляда наблюдателя. На рисунках Д. Хофштадтера представлены определенные слова. Но изображения букв

того или иного слова сами составлены из более мелких букв, образующих свои подконфигурации-слова. Благодаря этому в одном и том же изображении можно совершенно отчетливо увидеть то слово «холизм» (обозначающее стремление видеть целое, а не части), то слово «редукционизм» (обозначающее стремление видеть части, а не целое), то несуществующие слова-каламбуры «холизмионизм» и «редукцхолизм» (Хофштадтер, 2001, с. 294–317).

Положения У. Р. Эшби, Д. Хофштадтера, Ф. Хейлигхена касаются структуры систем и не затрагивают вопросов их развития. Но все вышесказанное можно отнести и к *развитию* любой системы. Видеть ли в развитии той или иной системы в качестве ведущего процесса все бóльшую дифференциацию (частей, признаков, свойств) или же все бóльшую интеграцию (их все бóльшее их объединение) – зависит и от мировоззрения исследователя, его целей и установок и т. д. Причем эти установки могут быть как осознаваемыми, так и неосознаваемыми.

Один из парадоксов системного мышления состоит в следующем. Для того чтобы понять и описать систему как целое, необходимо понять и описать ее части и связи между ними; но для того чтобы понять и описать части системы и связи между ними, надо понять и описать ее как целое. Этот логический круг бесконечен и практически может быть преодолен лишь путем постепенной аппроксимирующей исследовательской работы, в ходе которой оба типа описаний все более сближаются (Садовский, 1972). Поэтому холистический подход всегда включает и редукционистские стратегии, а редукционизм – холистические.

Рассмотрим некоторые области, в которых можно обоснованно, пусть и с учетом относительности различений, обсуждать неравновесность между процессами интеграции и дифференциации на различных стадиях зрелости системы. (О возможности доминирования этапов интеграции в онтогенезе было сказано выше.)

Функциональная мозговая асимметрия

Межполушарная асимметрия (относительное доминирование левого или правого полушария) была открыта Нобелевским лауреатом Р. Сперри и детально изучается множеством исследователей в настоящее время (Ротенберг, WWW Document; Нейропсихология сегодня, 1995; Springer, Deutsch, 1989). Е. Д. Хомская пишет, что типы доминирования, типы профилей латеральной организации индивидов отражают фундаментальные особенности мозговой организации... При доминировании одного полушария усиливаются одни стратегии и ослабляются другие, при доминировании другого – имеется обратное соотношение. При этом в соответствии с современными представлениями левое и правое полушария функционируют всегда совместно, и поэтому можно говорить лишь об относительном преобладании того или иного «набора» стратегий (Хомская и др., 1997, с. 243). Стратегии переработки информации левым полушарием характеризуются как: абстрактно-схематические, логико-аналитические, понятийные, сознательные, сукцессивные (последовательные). Стратегии переработки информации правым полушарием характеризуются как образные, конкретные, синтетические, с высокой долей бессознательного, симультанные (одновременные) (там же, с. 243–244).

Итак, левополушарное мышление носит преимущественно аналитический, а не синтетический характер. Для него характерна последовательная, поэтапная обработка небольших порций однородной информации с высокой точностью на основе преимущественно дедуктивного логического вывода. Левополушарное мышление создает более однозначные, простые, внутренне непротиворечивые и «оптимистичные» модели реальности (Ротенберг, WWW Document; Ротенберг, Бондаренко, 1989; Иванченко, 1999).

Правополушарное мышление носит преимущественно синтезирующий, а не аналитический характер. Для него характерна параллельная, одновременная обработка больших

массивов разнородной и разноуровневой информации, в том числе высокой неопределенности и сложности, в реальном масштабе времени. Оно стремится охватить в целостной образной картине все многообразие элементов и связей реальности, в том числе и тех, которые выглядят противоречивыми и взаимоисключающими, что создает многозначный контекст. Для правополушарного мышления характерен индуктивный стиль, внимание к случаям, а не правилам, к отклонениям от схемы, к непредсказуемости. Оно работает преимущественно на материале, нагруженном образными представлениями, больше связано с интуицией и творчеством (там же).

При решении любых задач аналитический и синтетический типы стратегий дополняют друг друга и равно необходимы. Однако один из типов может доминировать у того или иного человека, у тех или иных сообществ, в те или иные периоды развития. (Это может показаться парадоксальным для тех, кто исходит из модели, в которой каждый акт анализа должен строго уравниваться равномошным одновременным актом синтеза, и наоборот.) Так, в настоящее время выявлена примерно 50-летняя периодичность смен доминирования аналитического и синтетического типов в культуре – в архитектуре, музыке, живописи, литературе и др. (Иванченко, 1999).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.